

*В.С. Морозова**

Китайская культура в российском приграничье как потенциал будущего развития Китая

АННОТАЦИЯ: В статье акцентируется внимание на процессе культурной трансляции со стороны китайского приграничья. Оценивается потенциал китайской культуры, выделяются основные механизмы его закрепления. Выдвигается тезис о необходимости включения в процессы социально-экономического развития российского приграничья задач социокультурного соразвития с приграничными территориями Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная трансляция, социокультурная безопасность, региональные практики соразвития РФ–КНР.

Тема присутствия и влияния Китая на приграничных территориях России сегодня привлекает внимание многих исследователей, накоплен богатый опыт в области исследований исторического контекста взаимодействия, демографического компонента отношений, вопросов миграции на приграничные территории и т.п. Однако вопросы межкультурного взаимодействия, а именно взаимопроникновения культур России и Китая на региональном уровне, в том числе, и на фоне этнокультурных контактов, до сих пор остаются слабо изученными. Бытует мнение, что Китай путём трансляции своих культурных ценностей закладывает в русских огромный потенциал своего будущего развития. И если до Центральной России данные ценности «доходят» достаточно медленно, то приграничные регионы России уже давно испытывают на себе вполне ощутимое влияние своего «культурного» соседа.

* Морозова Валентина Сергеевна, доктор философских наук, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, E-mail: morozova1550@mail.ru

Современный этап межкультурного взаимодействия России и Китая носит характер диалога, невозможного без взаимовыгодного сотрудничества. Обе страны на данном этапе активно возрождают не только свои национальные культурные традиции, но и культурные традиции своих регионов. Можно предположить, что сегодня одной из целей продвижения национальной культуры становится её трансляция в регионы, о чём свидетельствует 1/3 всех мероприятий Национальных годов, которые были реализованы российскими и китайскими приграничными территориями. Однако мероприятия, организованные Северо-Восточными провинциями Китая в приграничных регионах, сводились лишь к обсуждению вопросов торгово-экономического сотрудничества [6, с. 124].

Современная культурная трансляция представляет собой процесс органический, стихийный, неконтролируемый. Большая часть культурного экспорта происходит на бытовом уровне, на уровне материальной культуры. В случае, если привлекательными являются товары, книги или фильмы, произведённые в стране-импортёре, за ними следуют и более глубокий экспорт — экспорт моделей поведения, законодательства, идеологии [5]. Бытуют различные мнения о присутствии китайской культуры в приграничье вообще и о степени её трансляции, в частности. На современном этапе наблюдается усиление конкурентоспособности китайской культуры, особенно на региональном уровне. Как отмечает Н.А. Абрамова, потенциал культурного влияния КНР на окружающий мир заключается в наращивании такой культурной силы, которая способна сформировать элиту «китаецентристской направленности» в некитайских этнических сообществах, проживающих, в частности, в России [1, с. 75].

Вполне естественно, образ Китая играет наиболее значительную роль в непосредственно прилегающих к нему регионах российского Дальнего Востока и южной части Восточной Сибири [9, с. 291]. На современном этапе развития приграничного сотрудничества многие «китайские факторы» дают о себе знать. И это не только региональная культура Китая как средство привлечения туристов. Речь идёт о политике «мягкой силы» (soft power), принципах «культурной дипломатии», помогающих сформировать положительный образ Китая на приграничных российских территориях. Осуществляющаяся на этой основе современная внешнерегиональная культурная политика при её успешной реализации может служить вспомогательным элементом в достижении не только экономических, политических, но и культурных целей со стороны Китая. Заявление Ху Цзиньтао о том, что «китайская культура принадлежит не только Китаю, но и всему миру...» [7, с. 57], может быть воспринято как в контексте надежды на усиление межкультурного взаимодействия с другими странами,

так и как призыв к её повсеместному распространению, трансляции. Более того, развитие «трёх сил» китайской культуры (способности притягивать, влиять и вносить вклад в развитие других культур), реализующееся на основе концепции «мягкой силы», выдвинутой профессором Гарвардского университета Дж. Наем, способно оказывать большое влияние на социокультурную идентичность населения приграничных регионов. Одним из механизмов, способствующих процессу усиления позиций Китая в рассматриваемом контексте, является межкультурное взаимодействие [1, с. 75], которое, при условии его активности, способно определённым образом трансформировать социокультурное пространство российского приграничья.

В приграничном пространстве России исторически сложилось несколько векторов передачи культурных стереотипов. Среди наиболее востребованных сфер взаимодействия выделяются: экономическая (хозяйственная) и социальная (культурная, гуманитарная). Средства же распространения культуры довольно разнообразны.

На данный момент актуальным представляется осмысление процесса распространения элементов китайской культуры путём популяризации традиций китайских философских школ, инкорпорированных, в частности, в древнем искусстве *цигун* — системе гимнастических и медитационных дыхательных упражнений, ставших популярными в России в последние два десятилетия. Существует несколько школ и направлений *цигун*, представляющих целостную систему знаний и методик, позволяющих осуществить прорыв в сферу особых возможностей, изучить себя, понять строение мира, осознать своё место в нём и свои задачи. Занятия этой древней оздоровительной китайской практикой предлагают многочисленные центры и фитнес-клубы, активизировавшие свою деятельность на приграничных территориях России. Так, можно назвать следующие из них: Читинский центр «Чжун Юань Цигун» (г. Чита), Клуб саморазвития «Путь Востока» (г. Хабаровск), «Лира» (г. Владивосток), Йога-студия «Нагваль» (г. Благовещенск) и др. Данные заведения демонстрируют и другой пример влияния китайской культуры на русскую — удовлетворение явного интереса российского общества к традиционным китайским методам исцеления: акупрессуре (надавливание пальцами) и акупунктуре (иглоукалывание).

Популярной в последнее время становится и даосская практика символического освоения пространства *фэньшуй*, с помощью которой можно не только выбрать «наилучшее» место для строительства дома или захоронения, произвести «верную» разбивку участка, но спрогнозировать определённые события. Китайская философия ставит целью *фэньшуй* поиск благоприятных потоков энергии *ци* и их использование на благо человека. На базе многопрофильной гимназии № 4 (г. Чита)

проходят Международные семинары преподавателей китайского языка, в процессе которых устраиваются открытые уроки и мастер-классы по разным темам, среди которых есть и «Фэншуй. Благоприятные символы». Более того, есть примеры личностей, нашедших себя в философии *фэньшуй*. Так, Забайкальское информационное агентство описывает ряд случаев, когда жители приграничья находят себя в *фэньшуй* [17]. Серьёзно увлекаясь этим занятием и получая сертификат специалиста, они начинают работать с клиентами. Таким образом, китайская философия *фэньшуй* может стать для приграничного населения не только хобби, но и успешным бизнесом.

Внимания заслуживает также популяризация китайской кухни, интерес к которой со стороны приграничного российского населения обусловлен появлением большого количества точек общественного питания с китайской спецификой, что в свою очередь интенсифицирует интерес российского населения к культурным традициям Китая и приводит к возникновению новых форм проведения досуга. В представлении европейцев китайская кухня всегда таила особую магию благодаря изысканности, экзотичности и своеобразию. В прошлые века в Китае повара непременно отождествлялись с врачевателями, а искусство приготовления пищи было сродни философии и эстетике. Интерес к ней среди приграничного российского населения нашёл отражение не только в появлении большого числа китайских ресторанов, где можно попробовать традиционные китайские блюда (пекинская утка, морепродукты, рис), но и в умении россиян пользоваться традиционными китайскими палочками. На приграничных российских территориях сегодня также активно применяется весь спектр китайских приправ. Невозможно перечислить всё то многообразие китайских кафе и ресторанов на территории приграничных регионов, где воссоздаётся подлинная атмосфера традиционного Китая.

Особого культурфилософского осмысления требует русско-китайский пиджин как специфический результат взаимодействия приграничных культур. Такая разновидность языка отличается упрощённой грамматикой и сокращённым словарем, а также тем, что он не является родным ни для кого из говорящих на нём. В силу своих характеристик он обслуживал лишь ограниченный класс населения, занимавшегося торговлей, и считался языком узкоспециализированным. Количество его носителей не превышало нескольких тысяч, а людей, способных пользоваться его дальневосточным вариантом, по некоторым источникам, насчитывалось около миллиона [13]. Несмотря на то, что данная разновидность языка перестала активно употребляться в первой половине XX века, отдельные слова до сих пор остаются основными во взаимодействии приграничного населения России с представителями Китая, более того, появляются и новые лексические единицы.

Существуют мнения и о религиозном влиянии Китая на приграничные территории России. Так, Ван Цюн в процессе осмысления факторов, повлиявших на формирование социокультурных особенностей России со стороны Китая, выделяет, помимо географического, климатического и исторического, также и религиозный [2, с. 4]. Уточним, что в современной синологической практике ведутся споры по вопросу существования религии в Китае. Поэтому, говоря о религиозном факторе, автор имеет в виду влияние общепризнанных философских школ или этико-политических учений — конфуцианства, даосизма, буддизма. Однако конфуцианские ценности, родившиеся в Китае и сыгравшие не последнюю роль в динамичном развитии Японии, Тайваня и Южной Кореи, бережно культивируемые не только пietet по отношению к имени великого философа, но и те реальные, дошедшие через века, традиции, определяющие жизнестойкость китайской цивилизации, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на религиозную и культурную ситуацию российских регионов. Так, Лу Лэй, выделяя несколько этапов постепенно трансформирующихся представлений о Китае у русских, в своей работе «Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке», отмечает, что на протяжении XX века воздействие конфуцианства в России как цивилизационного учения не оказало сколько-нибудь существенного влияния на «конфуцианизацию населения» [8, с. 5]. В нашей стране, в частности, на её приграничных территориях, идёт ознакомление с культурными достижениями китайского народа, с его духовными ценностями, характеризующими цивилизационную принадлежность. Но эта функция выполняется специалистами-страноведами и отчасти средствами массовой информации. Целенаправленной работы по религиозно-духовному сближению двух народов не проводится [12].

В качестве наиболее продуктивного средства трансляции культурных ценностей, с помощью которого Китай активно пропагандирует свою культуру за рубеж, можно назвать распространение китайского языка. В частности, за пределами КНР возрастает количество китайских культурно-образовательных центров, учреждаемых Китайским государственным комитетом по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) под брендом «Институт Конфуция» [1, с. 75]. Чтобы продемонстрировать уникальность и самобытность китайской культуры, в Китае открывается всё больше программ по обмену студентами из-за рубежа, и ежегодно поток студентов из других стран увеличивается. За последние годы в разных странах прошло открытие ряда Институтов Конфуция (государственных учреждений), которые являются для иностранных студентов «окном» в мир культуры Китая [16, с. 30]. На Дальнем Востоке России

существуют два Института Конфуция — на базе Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета и на базе Дальневосточного Федерального Университета, последний из которых является одним из первых Институты Конфуция в России по времени создания в рамках международного образовательного проекта «Институт Конфуция», реализуемого по инициативе Ханьбань.

Несмотря на то, что изначально проект «Институт Конфуция» направлен на содействие культурному прогрессу человечества, предоставление для всех народов мира возможности изучать язык и достижения одной из древнейших цивилизаций нашей планеты — китайской, некоторые учёные высказывают мнение о том, что Институты Конфуция являются лишь центрами обеспечения интересов Китая в России, интересы же России остаются незатронутыми. Одновременно с этим, на официальных сайтах можно прочесть, какие интересы преследует Россия в открытии Институты Конфуция, а именно:

- гармоничное развитие межгосударственных и межличностных отношений посредством изучения китайского языка и основ китайской культуры во всём многообразии её проявлений;

- формирование в общественном сознании россиян основ толерантной мировоззренческой, духовно-нравственной и социальной культуры, основанной на знании китайского языка и лучших достижений китайской цивилизации;

- привитие знаний, развитие необходимых гражданам умений (навыков), важных для осуществления эффективной предпринимательской, образовательной и иной деятельности, требующей владения китайским языком и основами китайской культуры [3].

Логично возникает ряд вопросов о реальных целях создания Институты Конфуция, в частности: являются ли Институты Конфуция средством продвижения образования, ориентированного на Китай? Можно ли считать это проявлением культурной дипломатии Китая и укрепления «мягкой силы» Китая, в том числе на межрегиональном уровне? Состоит ли цель этой деятельности лишь в установлении более прочных культурных связей в социокультурном пространстве приграничья, или всё это — интенсивная трансляция китайской культуры в приграничные регионы, расширение и углубление сфер влияния китайской «мягкой силы» и попытка использования искусства китайской культурной дипломатии? Здесь уместно привести высказывание В.А. Абрамова о том, что региональная культура как совокупность ценностей, мировоззренческих установок, поведенческих клише является той «мягкой силой», которая дестабилизирует, дезинтегрирует социокультурное пространство объекта геополитики стран-противников или стран-реципиентов региона. В этом плане примечательно исследование китайских аналитиков «Мягкая сила:

китайский угол зрения», в котором авторы раскрывают ресурсы китайской государственной политики «мягкой силы», в частности, «сгруппированные» и в потенциале региональной культуры.

Приграничные территории, как уже говорилось ранее, имеют особое значение в межкультурном региональном взаимодействии. Максимальная интенсивность межкультурного взаимодействия характерна для приграничных районов Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья по российскую сторону границы и административных единиц Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии со стороны КНР. Данные отношения являются весьма массовыми не только по количеству участников, но и по разнообразным формам взаимодействия, в них вовлечено большое количество людей и организаций. Такого рода межкультурные связи вносят определённые изменения в культуру регионов. Происходит своего рода «размывание» границ. К примеру, участилась практика смешанных браков. В 2008 г. в Забайкальском крае было зарегистрировано около 650 семейных пар, при этом одним из супругов являлся гражданин КНР. Это лишний раз подтверждает достаточно стремительное формирование тесных взаимосвязей между двумя государствами [10, с. 238]. Интернет-портал «Братья славяне» указывает, что в Забайкалье русские женщины предпочитают брать в мужья китайцев. В 2009 году была проведена акция «Женщины города — женщинам села». Группа женщин выезжала в Хилокский район и в ряд других мест. В этих районах немало детей — метисов, некоторые женщины живут с китайцами, выходят за них замуж, рожают детей [4]. Всё это является свидетельством того, что проводимая китайским правительством политика трудовой миграции китайских рабочих может считаться одним из возможных способов трансляции китайской культуры на приграничные территории России.

Кроме того, на межрегиональном уровне долгосрочные задачи укрепления «мягкой» силы Китая отражены в следующих аспектах:

- уникальные элементы китайской культуры должны быть нацелены на расширение взаимопонимания и обменов между Китаем и другими странами;
- идеи мирного развития должны стать средством убеждения широкой международной общественности, способным выступать противовесом набору тех предубеждений и враждебности, которые Запад культивирует в отношении китайской идеологии;
- идеи мира, гармонии и взаимной выгоды должны постоянно обогащаться, наполняясь современным содержанием. Следует, прежде всего, пропагандировать те современные идеи, которые являются квинтэссенцией китайской культуры (мирное развитие, стратегия открытости) [14, с. 189].

В соответствии с заданными целями можно проследить стремление КНР к трансляции и укреплению китайской культуры на мировой арене посредством межрегионального приграничного сотрудничества РФ–КНР. Стремление Китая к тесному сотрудничеству с Россией в гуманитарной сфере является ключом к усилению влияния китайской культуры. Так, разработка и реализация совместных образовательных проектов делает возможным трансляцию китайской культуры посредством «мягкой силы», что позволяет китайской культуре становиться средством убеждения широкой общественности. Именно гуманитарная сфера приграничного сотрудничества РФ–КНР обеспечивает наибольшую возможность для трансляции китайской культуры.

Не отрицая факта большого интереса к китайской культуре со стороны приграничного населения России, нельзя допустить тем самым вытеснения интереса к культуре русской. Необходимо учитывать возможные негативные последствия в ходе обоюдного культурного обмена и применять эффективные меры для их недопущения. Расширяя сотрудничество в области культуры, важно не только усиливать связь между СМИ обеих стран, налаживать сотрудничество в сфере туризма, но и одновременно распространять знания о культуре нашей страны за рубежом. Одним из продуктивных механизмов трансляции культуры, как уже было отмечено ранее, является образование. В этом контексте рассматриваются возможности наращивания уровня подготовки русского языка, а также увеличения количества изучающих русский язык в китайском приграничье. Ведь язык — одно из главных трансляционных средств любой культуры.

В Федеральной целевой программе «Культура России (2006–2011 гг.)» указываются основные цели, такие как поддержка отечественных производителей культурных благ и их продвижение на мировой рынок, для чего необходима реализация пунктов мероприятий Программы по следующим направлениям:

- государственная поддержка производства российских фильмов;
- государственный протекционизм в продвижении на мировой рынок продуктов российской культуры, искусства и литературы [15].

Все эти меры особенно важны на приграничных территориях России, являющихся «мостом» для продвижения образцов нашей культуры в приграничные регионы КНР и далее. На региональном уровне основные аспекты развития и поддержания сферы культуры изложены в Краевой долгосрочной целевой программе «Культура Забайкалья (2010–2014 годы)». Программа предлагает стратегию культурной политики, ориентированную на сохранение исторически сложившихся национально-культурных ландшафтов, самобытных традиций народной культуры, преемственности поколений. Вместе с тем, в

данной Программе полностью игнорируется особенность региональной культуры как культуры, осуществляющей свои функции в приграничном социокультурном пространстве. Цель программы — создание условий для сохранения культурного потенциала и культурного наследия Забайкальского края, учитывая удалённость от Федерального центра и крупных культурных центров России, — вместе с тем, не акцентирует внимание на таком важном факторе как близость к центрам инокультуры, а именно региональной культуре Северо-Востока Китая, проекция которой в приграничном социокультурном пространстве России может стать реальной угрозой в плане обеспечения социокультурной безопасности приграничья. Несмотря на то, что количественные показатели Программы свидетельствуют о высоком уровне конкурентоспособности культурных ресурсов региона, не стоит забывать о быстрых темпах развития внутренних регионов Китая, особенно приграничных, что не соответствует тенденциям развития регионов нашей страны и поэтому представляет определённую угрозу [11].

Таким образом, характеризуя современную политику, осуществляемую китайским руководством в плане распространения культуры своей страны, автор определяет её особенность как «мягкую силу», результатом которой становится не только трансляция культурных элементов Китая в социокультурном пространстве российского приграничья, но и использование элементов русской культуры в китайском приграничье для получения экономической выгоды и развития своих территорий. В этом контексте автор настаивает на необходимости создания такой модели межкультурного взаимодействия, при которой внимание будет акцентировано на дополнении стратегии социально-экономического развития приграничных регионов задачами социокультурного соразвития российского и китайского приграничья в контексте опережающей стратегии.

Литература

1. *Абрамова Н.А.* Китайская культура и её трансляция в социокультурное пространство России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3.
2. *Ван Цюн.* Влияние социокультурных особенностей Китая и России на российско-китайские отношения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
3. Дальневосточный федеральный университет: институт Конфуция [Электронный ресурс]. URL: <http://confucius.dvgu.ru/dvgu/istoriya/>
4. *Зелеев А.* Российско-китайские браки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bratiya-slavyane.com/articles/view/6165/>
5. *Кантерев А.* Культурная эволюция и межстрановые заимствования [Электронный ресурс]. URL: <http://prompolit.ru/141592>

6. *Кудинова Е.В.* Год России в Китае и Год Китая в России: приграничные регионы РФ и КНР в реализации программы национальных годов // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире. Владивосток, 2009.
7. *Ли Бэйци, Хуан Эньчжун.* Чжунго гайбянь шицзе (Китай изменяет мир). Пекин, 2008.
8. *Лу Лэй.* Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.
9. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
10. *Морозова В.С.* Роль региональной культуры в межкультурном взаимодействии РФ–КНР (на примере Забайкальского края) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 238–245.
11. *Морозова В.С.* Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013.
12. Россия и Китай: международные контакты двух величайших религиозных конфессий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roman.by/r-13382.html>
13. Русско-китайский пиджин [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/PIDZHIN.html
14. *Тимофеев О.А.* «Мягкие» методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы КНР // Вестник ТОГУ. 2009. № 4
15. Федеральная целевая программа «Культура России (2006–2011 гг.)» [Электронный ресурс]. URL: http://fcpkultura.ru/menu_62.html
16. *Чжан Иу.* Жунь у у шэн «жуань шили» чжаньсянь чжунго мэили (Распространение «мягкой силы» усиливает очарование Китая) // Хуаньцзю цзачжи бьяньцзи чубаньшэ. 2011. № 5. С. 30–31.
17. Чита по фэншуй [Электронный ресурс]. URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&rubr=7&text=1026&t=7>

*V.S. Morozova**

Chinese culture in Russian borderland as the potential of China's future development

ABSTRACT: The article focuses on the process of cultural translation from the Chinese border areas. Author estimates the potential of the Chinese culture, highlights the main mechanisms of its anchoring, and puts forward an idea of necessity of inclusion of the socio-cultural co-development with the border areas of China into the processes of social and economic development of Russian border territories.

KEYWORDS: cultural translation, socio-cultural security, regional practices.

* Morozova Valentina Sergejevna, Dr. hab. (Philosophy), Transbaikal State University, Chita, Russia; E-mail: morozova1550@mail.ru